

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА
АДВОКАТА В ПЕРЕКРЕСТНОМ ДОПРОСЕ
(на материале романа Э.-С. Гарднера «The Case of the Screaming Woman»)**

В статье выявляются особенности акцентуации синтаксической, семантической и прагматической функций в дискурсе адвоката в процессе перекрестного допроса свидетелей, описанного в романе Э. С. Гарднера.

Ключевые слова: семиотика художественного текста, американский судебный дискурс, английский язык

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современном информационном обществе, в котором все сферы деятельности пронизаны компьютерными технологиями, позволяющими изменять образ мира в сознании человека, необходим новый взгляд на художественную литературу.

Именно сегодня, как утверждает Т.Н. Суминова, со вступлением человечества в новую — «постиндустриальную» (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт), «сверхиндустриальную» (О. Тоффлер), «технотронную» (З. Бжезинский), «информационную» (М. Маклюэн, Е. Масуда) — эру происходит оживление научного интереса к информационно-семиотическому подходу к культуре, в том числе художественной [8, с.3].

Особый интерес в данном плане представляет детектив, который зачастую относят к «несерьезным» жанрам, называя эскапистской литературой (literature of escape — уводящая от проблем реальности), хотя именно детектив дает возможность читателю активизировать логическое мышление и сосредоточиться на реальности

– не социальной, а ментальной. Так, автор статьи «Детективная литература» в Краткой литературной энциклопедии А.Ю. Наркевич одним из основных факторов возникновения жанра детектива считает «применение научного аналитического метода в раскрытии преступлений», а одной из доминантных черт – обостренную наблюдательность и изобретательную логику главного героя [4, с. 606]. Х. С. Борхес назвал детектив интеллектуальным жанром [1]. Поэтому основной функцией детективного произведения можно считать когнитивную – активизацию мыслительной деятельности читателя в виртуальном мире.

Исходя из убеждения, что лингвистический анализ художественного текста должен соответствовать его общей функциональной направленности, полагаем перспективной разработку двух подходов к детективу как объекту исследования: психолингвистического и семиотического.

Психолингвистический подход позволяет не только выявить психиатрическую акцентуацию автора текста, как это делает В. Руднев [6], но и проанализировать все используемые в авторском повествовании и дискурсах персонажей приемы манипуляции сознанием. Этой проблеме была посвящена наша предыдущая статья – «Субмиры манипуляции сознанием в изображенном судебном дискурсе».

Принципы семиотического анализа детектива были впервые предложены И. Ревзиным, который на примере произведений Агаты Кристи показал, во-первых, различие семиотики детектива как литературного произведения и детектива как явления языкового уровня, а во-вторых, выявил значимость семиотического пространства (семантики, синтактики, прагматики) для создания такой «массовой литературной продукции» [5].

На уровне семиотической системы литературы знаки лишены семантической функции, связанной со смыслом, на первый план выходит синтактика (структура мира персонажей) и прагматика (вербальное взаимодействие персонажей и воздействие текста на читателя). На уровне языка наибольшее значение, по мнению И. Ревзина, получает семантическая функция знаков: «почти каждое показание (а также и такие внеязыковые знаки как улики) многозначно» [5, с. 39]. И эта языковая омонимия поддерживает «синтаксическое склеивание» на уровне структуры мира персонажей. Соотношение между читателем и автором в этом случае сопоставимо с соотношением анализа и синтеза в порождающей модели. Автор знает, кто убийца, и перебирает синонимы для создания омонимичного слова, читатель, воспринимая этот омоним, может установить его истинное значение, только получив достаточный контекст, каковым на уровне литературной семиотической системы является весь текст [5, с. 40].

Наше обращение к произведениям Эрла Стенли Гарднера, который детально разработал особый поджанр детектива – судебный, не случайно: в своих «мейсеновках» (так называют серию романов, главным героем которых выступает адвокат Перри Мейсон) автор при описании процесса раскрытия истины переместил акцент с действий или рассуждений сыщика в сложную систему судебного заседания. В соответствии с англо-саксонским процессуальным правом, принятым в США, ключевым моментом судебного разбирательства является допрос свидетелей. Одна из частей этой процедуры – перекрестный допрос (cross examination) – допрос свиде-

теля противной стороной после окончания главного допроса [2]. На нем и фокусирует свое внимание Э.С. Гарднер, поскольку именно в мастерстве ведения перекрестного допроса и проявляет себя главный герой – адвокат, при этом оказываются максимально выраженными как синтаксические, прагматические, так и семантические функции детективного изложения.

Материалом для данной статьи стал роман “The Case of the Screaming Woman” (в русском переводе – «Дело кричащей женщины»). Предметом исследования были выбраны языковые семиотические особенности дискурса (речевой деятельности, речевого поведения) адвоката Перри Мейсона во время перекрестного допроса свидетелей, ведение которого сам герой называет одной из лучших своих способностей. При этом функционирование всех языковых составляющих данного дискурса обусловлено общими структурно-семиотическими особенностями текста романа.

Задача, которая стоит перед Мейсоном в данной истории, нестандартна: адвокат должен защитить своего клиента не только от обвинения в убийстве, но и от необходимости рассказать истинную причину своего присутствия возле дома жертвы в ночь убийства. Поэтому Мейсон стремится предотвратить появление в показаниях свидетелей любой информации, которая открыла бы тайну клиента: незаконное усыновление ребенка.

Синтаксическая структура текста на литературном уровне (построение сюжета) включает следующие основные фигуры, постоянные для всех романов «мейсоновского» типа: 1) адвокат Мейсон; 2) доверенные лица и верные помощники Мейсона: а) частный детектив Пол Дрейк и б) личный секретарь – преданная Делла Стрит; 3) противопоставленные Мейсону представители стороны обвинения: а) прокурор Гамильтон Бергер и б) его помощник (синонимические фигуры), 4) нейтральный судья; 5) присяжные заседатели; 6) клиент Мейсона; 7) убийца; 8) подозреваемый (-ые) в убийстве; 9) свидетели; 10) жертва.

Как правило, некоторые фигуры оказываются «склеенными» (по терминологии И. Ревзина) между собой, а вся процедура «расклеивания» осуществляется во время допроса свидетелей.

Так, Делла Стрит вызывается в суд как свидетель, потому что подозревается в сокрытии важной улики.

Убийца, прыгнувший в бассейн с золотыми рыбками, чтобы имитировать свое пребывание под душем в момент преступления, «склеен» с одним из свидетелей, который один из первых оказался на месте преступления, и с другим, – человеком, которого соседи видели возле того же бассейна.

Клиент Мейсона – Джон Кирби, скрывающий, что в ночь убийства был возле дома жертвы, и в результате арестованный за убийство, «склеен» со своей женой Джоан Кирби, которая в это же время находилась в том же доме и в зале суда была обвинена в убийстве. «Склейка» между этими персонажами обнаруживается и на языковом семантическом уровне: во-первых, в ежедневнике жертвы была записана только фамилия посетителя – Кирби, поэтому было неизвестно, кто именно из супругов приходил в дом, во-вторых, умирающий прошептал имя убийцы, которое эксперт и прокурор вначале распознали как «Джон Кирби», а потом – как «Джоан Кирби».

Такие же «двойные склейки» обнаруживаются и между другими фигурами.

Свидетель Норма Логан – сводная сестра адоптированного сына Кирби, укравшая журнал регистрации из кабинета жертвы и убежавшая с места преступления, синтаксически «склеена» со своим дядей – Стивом Логаном, который тоже разыскивал ребенка и в вечер преступления находился в доме жертвы, а перед этим рассматривал бассейн. Именно на него указывала вторая запись в ежедневнике жертвы, однако подозрение пало на племянницу.

Свидетель Дон Дерби – помощник жертвы – реальный убийца. Он «склеен» с супругами Кирби не только на синтаксическом, но и на семантическом уровне: именно его имя, созвучное именам обоих подозреваемых, на самом деле пропентал умирающий.

Семантические «склейки» между персонажами пронизывают весь роман: Норма Логан в первых главах романа фигурирует как *“this girl on the road”, “a real little lady”, “Lois Wagner”, “young woman running out of the house”, “the woman who left by the front door”*.

Джоан Кирби и есть та *«screaming woman», “another woman”, “the woman who left by the back door”, “a woman who was standing over him (body of Dr. Babb)”*.

Особую прагматическую роль выполняют присяжные, которые, несмотря на право задавать вопросы, обычно безмолвствуют в романах Гарднера и тем самым функционально «склеиваются» с читателем.

Присяжные, как и читатель, анализируя дискурс перекрестного допроса, должны синтезировать истинный ход событий, они до конца не знают, каково было действительное склеивание.

Из последней главы читатель узнает, что Мейсон в самом начале догадался, что кто-то прыгнул в бассейн, выплеснув вместе с водой золотую рыбку. И. Ревзин подобные финальные рассказы сыщика (в нашем случае – адвоката) относит не к языку, а к мета-языку текста. Только прочитав их, можно осознать весь ход расследования. Только в финале становится понятным, почему именно так, а не иначе Мейсон вел перекрестный допрос.

Предварительное расследование преступления, как и во всех «Мейсоновках», играет роль развернутой экспозиции, знакомящей читателей «с расстановкой сил».

Готовясь к перекрестному допросу, Мейсон дважды в беседе с Деллой Стрит формулирует свое кредо, делая это в практически одинаковых выражениях: *“I’m a lawyer. It may sound corny, but my life is dedicated to improving the administration of justice. I’m loyal to my clients. [...]. I have a certain amount of **human** ingenuity, considerable **legal** agility, and I’m going to use them both”* [с. 399]. *“When an attorney’s doing what he thinks is right, Della, he is entitled to take advantage of every technicality in the law. I’ve told you that I have a certain amount of **legal** ingenuity, and a certain amount of **human** ingenuity. I’m going to exercise them both”* [10, с. 422].

С точки зрения семантики эти два заявления во многом совпадают: и в первом, и во втором Мейсон подчеркивает свою юридическую и человеческую изобретательность, ловкость (в русском переводе использовано слово «одаренность», что принципиально меняет весь смысл высказывания, внося в него оттенок самовосхваления).

Однако если первая предложение содержит абстрактное желание усовершенствовать отправление правосудия, то вторая – более прагматична: Мейсон заявляет о том, что готов для доказательства своей правоты использовать каждый технический прием в рамках закона. Синтаксическая организация второй части обусловлена усиленной прагматической функцией.

Т. ван Дейк, проведя анализ различного синтаксического выполнения (performance) одной и той же мысли, пришел к выводу, что использование сложных предложений и последовательности простых объясняется преимущественно прагматическими факторами и по-разному воздействует на слушающего (читающего) [2, с. 110]. В первой предложении Мейсона утверждение о намерении использовать свои способности представлено как часть сложносочиненного предложения, а во второй – выделено в самостоятельное предложение “*I’m going exercise them both*”, что перемещает его содержание в особенно сильный фокус и предупреждает возможные вопросы или комментарии со стороны слушающего.

Таким образом, можно заранее предположить, что дискурс Мейсона в процессе проведения перекрестного допроса обусловлен его скрупулезным знанием законов и процедур дознания, человеческой изобретательностью, а также безоглядной решимостью доказать свою правоту во что бы то ни стало.

Правила перекрестного допроса в американских судах накладывают жесткие ограничения при формулировании вопроса к свидетелю: свидетель может опираться только на собственные эмпирические ощущения (что он видел или слышал), при этом ему запрещено восстанавливать события с чужих слов и пользоваться при ответе умозаключением, излагать свои мысли, версии; с другой стороны, участникам процесса запрещено задавать свидетелю наводящие вопросы (argumentative question), а также просить пересказать чужие слова [7].

Перри Мейсон прекрасно знаком с этими требованиями: все допросы он начинает вопросами, которые предполагают однозначный ответ.

Например: “*You followed your usual routine of police procedure?*” *Mason asked.*

“Yes, sir.”

“You checked both the front and the back of the house?”

“Yes, sir.”

“Then, after calling for the ambulance and asking for a fingerprint man to be sent out, you called again asking for more cars?”

“Yes.” [10, с. 432].

В этом случае на первый план выступают синтаксическая и семантическая функция высказываний: адвокату необходимо выстроить логическую цепочку вопросов и при этом сформулировать их таким образом, чтобы не вызвать протеста прокурора.

Если же все-таки протест заявлен, Мейсон проявляет свое мастерство перефразирования того же содержания. Так, когда ответ свидетеля на вопрос мог обнаружить, что Норма Логан похитила ежедневник жертвы, в котором были записаны имена посетителей, адвокат заявляет протест в следующей форме: “*My object to that question, if the Court please, on the ground that it calls for a privileged communication*” [10, с. 450]. Протест не был удовлетворен на том основании, что Мейсон в данном

процессе официально не представлял интересы Нормы Logan и поэтому не мог ссылаться на конфиденциальность сообщения. Тогда Мейсон затевает перепалку с прокурором, вызывая у судьи улыбку, и после этого формулирует протест по-другому: *"The question is further objected to, Your Honor, on the ground that it is argumentative, calls for a conclusion of the witness and calls for hearsay testimony"* [10, с. 451]. Проанализировав формулировку вопроса, зафиксированную в протоколе, судья подтверждает, что в такой языковой форме его нельзя задавать.

Иногда все же даже перефразированный адвокатом вопрос вызывает протест, но сама форма уже произнесенного высказывания наталкивает слушателей на нужную Мейсону мысль. Так, например, при допросе полисмена, который первым прибыл на место происшествия, необходимо было зародить у суда (и читателей) подозрение, что в доме, кроме описанных свидетелями двух женщин, мог находиться еще кто-то. Адвокат последовательно спрашивает у свидетеля, открывал ли тот изнутри заднюю дверь и оставил ли он тем самым свои отпечатки на дверной ручке. Получив утвердительный ответ, Мейсон задает следующий вопрос:

"And thereby obliterated the prints of any other person who might have emerged from that door previously?"

"Objected to as argumentative," Ballantine said.

"That's all," Mason said" [10, с. 434].

Отказавшись от дальнейшего допроса, Мейсон фокусирует внимание на многозначности последнего вопроса, что усиливает прагматическую функцию высказывания.

Активация прагматической функции происходит и в результате того, что Мейсон часто намеренно нарушает правила ведения перекрестного допроса, так как, преследуя цель доказать свою правоту любыми средствами, стремится вывести из равновесия представителя обвинения, выставить его в смешном свете в глазах Жюри. Основными приемами здесь можно считать «поучение» и «оборачивание ситуации». Первый прием заключается в том, что, сохраняя полное хладнокровие при допросе, Мейсон не пропускает ни одной оплошности противника в использовании судебных клише и с ложной скромностью напоминает, что именно нужно говорить в подобных случаях прокурору. Второй прием адвокат использует тогда, когда прокурор пытается обвинить его в нарушении закона. Так, например, Бергер обвиняет адвоката в фабрикации улики, ссылаясь на обнаруженные на вещественном доказательстве его отпечатки пальцев. Мейсон спрашивает, осматривал ли улику прокурор сам лично, и, получив утвердительный ответ, делает вывод, что, следовательно, он тоже оставил там отпечатки пальцев и может быть обвинен в фальсификации.

Таким образом, проведя семиотический функциональный анализ дискурса адвоката в процессе перекрестного допроса, можно сделать следующие выводы: язык судебного детектива отличается от других поджанров сложной синтаксической организацией изображенного дискурса; синтаксическое склеивание на уровне сюжета переплетается с семантическим склеиванием фигур; в дискурсе адвоката ритмически чередуются активирования синтаксической, семантической и прагматической функций; активация синтаксической функции проявляется в четкой логической цепочке попоговых вопросов; активацию семантической функции можно наблюдать

в процессе «расклеивания» фигур, отождествлении референта, перефразировании вопросов; активации прагматической функции способствуют высказывания, воздействующие на безмолвных заседателей (читателя), а также перенесение фокуса на перепалку с адвокатом.

В дальнейшем предполагаем более детально проанализировать активацию каждую из семиотических функций дискурса адвоката в отдельности.

Литература

1. Борхес Х. Л. Детектив / Х. Л. Борхес // Как сделать детектив. – М. : Радуга, 1990. – С. 263–272
2. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста / Теун ван Дейк ; [пер. с англ. Т. Д. Корельской] // Текст : аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. – М. : УРСС, 2001. – С. 90–167.
3. Калиновский К. Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств : [учебное пособие] / К.Б. Калиновский. – Петрозаводск, 2000. – 128 с.
4. Наркевич А. Ю. Детективная литература / А. Ю. Наркевич // Краткая литературная энциклопедия. – Т. 2. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. – С. 606–607.
5. Ревзин И. И. К семиотическому анализу детективов (на примере романов Агаты Кристи) / И.И. Ревзин // Программа и тезисы докладов в Летней школе по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1964. – С.38–40
6. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
7. Смыслов В. И. Свидетель в уголовном судопроизводстве империалистических государств / В. И. Смыслов // Правоведение. – 1976. – № 1. – С. 91–95.
8. Сумина Т. Н. Художественная культура как информационная система: мировоззренческие и теоретико-методологические основания: автореф. дис. на соискание ученой степени докт. филос. наук : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / Т. Н. Сумина. – М., 2006. – 44 с.
9. Шестаков В. П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1988. – 224 с.: ил., [24] л. ил.
10. Gardner Erle. The Screaming Women / Erle Stanley Gardner // Perry Mason. Seven complete novels by Erle Stanley Gardner. – New York: Avenel Books, 1979. – P. 363 – 464.

Fastovets E. N. Semiotic characteristic of the discourse of an attorney in a cross-examination (on the material of E. S. Gardner's «The case of the screaming woman»)

The article studies the specifics of the accentuation of syntactic, semantic and pragmatic functions in the discourse of an attorney in the process of witnesses' cross-examination, as described in the E. S. Gardner's novel.

Key words: semiotic of text, US legal discourse, English Language

Фастоець О. М. Семіотичні особливості дискурсу адвоката у перехресному допиті (на матеріалі роману Е. С. Гарднера «The case of the screaming woman»)

У статті виявлено особливості акцентування синтаксичної, семантичної та прагматичної функції дискурсі адвоката Пері Мейсонау процесі перехресного допиту свідків, описаного у романі Е. С. Гарднера.

Ключові слова: семіотика художнього тексту, американський судовий дискурс, англійська мова.